

Макаричев Ф. В.

"ДРЯНЬ, Я ТЕБЕ СКАЖУ, ЭТИ БАРЫШНИ БЛЕДНЫЕ..." (О ПАРАДОКСАХ ЛЮБВИ В РОМАНЕ "БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ" Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/59.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. III. С. 140-141. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

2. **Воспитание Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича** // Домашнее и школьное обучение: Педагогический журнал. – Варшава: Типография Института глухонемых и слепых, 1912. - № 11.
3. **Воспоминания протоиерея Леонида Петрова.** – СПб.: Типография Главного управления уделов, 1909.
4. **Домашнее воспитание.** Руководство для родителей и воспитателей к воспитанию и обучению детей. - СПб., 1883.
5. **Жильяр П.** Император Николай II и его семья. – Вена: «Русь», 1921.
6. **Записки княгини Дашковой.** - СПб., 1906.
7. **Сергеева С. В.** Домашнее образование в России в первой половине XIX в. // Педагогика. – 2003. - № 7.
8. **Шевелев А. Н.** Отечественная школа: история и современные проблемы. - СПб.: «Каро», 2003.
9. **Ширинский-Шихматов А. А.** Письма о воспитании благородной девицы и об обращении ее в мире. - М., 1901.

«ДРЯНЬ, Я ТЕБЕ СКАЖУ, ЭТИ БАРЫШНИ БЛЕДНЫЕ...»

(О ПАРАДОКСАХ ЛЮБВИ В РОМАНЕ «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО)

Макаричев Ф. В.

Медицинская педиатрическая академия, г. Санкт-Петербург

Из бесед и поучений Федора Павловича Карамазова выделяется одно интересное жизненное наставление, которое он дает своим сыновьям: «...для меня... даже во всю мою жизнь не было безобразной женщины, вот вам мое правило! Можете вы это понять? Да где же вам это понять: у вас еще вместо крови молоко течет, не вылупились! По моему правилу, во всякой женщине можно найти чрезвычайно, черт возьми, интересное, чего ни у которой другой не найдешь, - только надобно уметь находить, вот где штука! Это талант! Для меня мовешек не существовало: уж одно то, что она женщина, уж это одно половина всего...» [Достоевский 1976: 14, 125-126]. И это, действительно, не пьяный бред или блеф: у Федора Павловича такой талант был. Всю жизнь он окружал себя женщинами, причем разными - от законных жен до «дурных женщин», от писанных красавиц до «мовешек» и «босоножек».

Искренность его признаний и откровений подтверждается тем фактом, что он оказался единственным мужчиной, способным разглядеть в юродивой Лизавете смердящей женщину: «Одному барчонку пришел вдруг в голову совершенно эксцентрический вопрос на невозможную тему: «Можно ли, дескать, хотя бы кому бы то ни было, счесть такого зверя за женщину, вот хотя бы теперь, и проч.» Все с гордым омерзением решили, что нельзя. Но в этой кучке случился Федор Павлович, и он мигом выскочил и решил, что можно счесть за женщину, даже очень, и что даже нечто особого рода пикантное, и проч., проч.» [Достоевский 1976: 14, 91].

И тем более поразительно, что для такого «всеядного» сладострастника нашлись исключения: «Дрян, я тебе скажу, эти барышни бледные; то ли дело...», - признается он Алексею, недвусмысленно намекая на Катерину Ивановну. Но за этим определением - «барышни бледные» - кроется определенный тип женщин, общение с которыми не стало для Федора Павловича исключением. В его жизни такой женщиной была первая жена - Аделаида Ивановна - дворянка, красавица, эмансипированная дама, «бойкая умница». Однако, «что же до обоюдной любви, то ее вовсе, кажется не было - ни со стороны невесты, ни с его стороны, несмотря даже на красоту Аделаиды Ивановны. Так что случай это был, может быть, единственный в своем роде в жизни Федора Павловича, сладострастнейшего человека во всю свою жизнь, в один миг готового прильнуть к какой угодно юбке, только бы та его поманила. А между тем одна только эта женщина не произвела в нем со страстной стороны никакого особенного впечатления».

Здесь, конечно, можно предположить, что Федору Павловичу, как «хаму и барину», нужны были такие униженные и оскорбленные или доведенные до отчаяния, как «кликуша», его вторая жена. Однако за его словами «то ли дело...» угадывается Грушенька - совершенно иной характер, тип женщины, который трудно отнести к «забытым» и «слабым». И дело не только в том, что Катерина Ивановна и Грушенька - соперницы по сюжету. С одной стороны, это противопоставление выводит нас к поэтике женских образов в творчестве Достоевского. С другой - многое проясняет в характерах мужских персонажей, судя по предпочтениям. Мужские персонажи также можно «сгруппировать», учитывая их взаимоотношения с тем или иным типом женщин.

Итак, кто же такие эти «барышни бледные» в контексте романа «Братья Карамазовы», и в творчестве русского писателя?

Это тип достаточно «стабильный», «устойчивый». В романе «Братья Карамазовы» это, прежде всего, Аделаида Ивановна и Катерина Ивановна: аристократки по происхождению, институтки по воспитанию и образованию, «бойкие умницы», стремящиеся быть «ведущими», а не «ведомыми» во взаимоотношениях с мужчинами. В других романах к этому же типу условно можно отнести: Дуню («Преступление и наказание»), Аглаю («Идиот»), Ахмакову («Подросток»), Лизу Тушину («Бесы»), чрезмерно эмансипированную Марию Шатову. В контексте же русской литературы XIX в. черты этого типа можно усмотреть во многих героинях Тургенева - Лизе Калитиной, Елене Стаховой, Наталье Ласунской; у Гончарова - в Ольге Ильинской...

Почему же они «бледны» и в чем проигрывают таким женщинам, как Грушенька в глазах Федора Павловича, а порой и читателей? Обладая, несомненно, рядом талантов и замечательных человеческих качеств,

«барышни» утрачивают, пожалуй, главное - истинно женское начало. По сути, они впитывают ценности «мужской» культуры и усваивают мужское мировосприятие. Претензии на «равенство», «партнерство» во взаимоотношениях с мужчиной часто приводят героинь к стремлению доминировать, главенствовать, выступать в роли «спасительницы» и наставницы. Это свидетельствует об извращенных формах, которые приобретает женское естество, «сбившееся», «заплутавшее» в сложном нагромождении мужских ценностей (утверждение своего я с позиции силы, первенство, воля, логика, жесткость, разум, прямолинейность...).

Для мужчин типа Федора Павловича все эти качества в женщине ценности не представляют. Ему интересна женщина как воплощение женственности, со всеми соответствующими «атрибутами»: слабостью, ревностью, набожностью, женской хитростью, самопожертвованием, красотой не только душевной, но и телесной, с женским талантом принять мужчину, его самого, «срамника», таким, каков он есть...

Федор Павлович сам отдается стихиям - любви, стяжательства и т.д. И даже религиозное чувство в нем - стихийно (когда отдает 1000 рублей на помин души Аделаиды Ивановны). Это же качество - стихийность, способность отдаться стихии, ценит он и в других людях, равно в мужчинах и женщинах. Не случайно, испытывая отеческую зависть и ревность к Дмитрию, он отказывает в одном случае в духовном («не наш человек»), а в другом - и в физическом родстве с Иваном. Для него Иван и Катерина Ивановна - «одного поля ягоды». Слишком много «бойкого ума», наносного («пыль поднявшаяся»), гордыни и слишком мало природного, даже «архаического». Если у Грушеньки - «изгиб», то в Катерине Ивановне - излом и надрыв. Это не просто метафора, относящаяся к телесной красоте или душевному недугу, это - определение стиля поведения, характера отношений с другими людьми. У Грушеньки - гибкость, у Катерины Ивановны - категоричность, прямолинейность, жесткость. Для невесты Ивана характерна мужская логика, которая строится на бинарных оппозициях (подлец - благородный; ангел - тигр, тварь; спасти - погубить). Поэтому и поведение ее во многом предсказуемо. Грушенька в большинстве своих проявлений - стихийна. В ней, конечно, есть и наносное, «от цивилизации», от требований своего времени и среды, но столь же сильно и *естественное*, природное, женское. «Вдруг» полетела она к своему «прежнему», тут же, разочаровавшись, бросается к Дмитрию; пытается соблазнить Алешу, но вдруг ощущает в нем духовное родство и «подает луковку», спасает в момент душевного кризиса. Поэтому в ней нет противопоставлений, наоборот, кажется, что ее натура вмещает все. Тут можно вспомнить слова Мити: «Тут берега сходятся...». В Грушеньке, кажется, сочетаются разные идеалы. Ее саму можно охарактеризовать тоже по-разному: спасительница и губительница; соблазнительница и воскресительница; мстительная и всепрощающая; рациональная и импульсивная... И все эти характеристики мыслятся не в противопоставлении, а в *сочетании*.

Грушенька естественна, и в самые важные, ключевые моменты она не играет роль, а оказывается способна на истинное самопожертвование, в отличие от той же Катерины Ивановны, которая не может вырваться из паутины «ролевых игр». Игра Грушеньки - натуральна и женственна, это вполне *естественное*, понятное женское кокетство, женская хитрость... Игра Катерины Ивановны - патологическая страсть, самолюбование, самоутверждение, что ощущает даже неискушенный в отношениях с женщинами Алеша: «...и это вы нарочно сыграли... как на театре в комедии сыграли!» [Достоевский 1976: 14, 174].

Интересно, что такой отрицательный с точки зрения христианской морали персонаж, как Федор Павлович Карамазов, заставляет задуматься об авторской позиции в отношении к этим двум типам женщин, и шире - к вопросу о сущности и истинном предназначении женщины. Как ни странно, сильные, образованные, волевые, метящие в «передовые», «современные», оказываются ущербными, не выдерживают конкуренции с другими героинями, ломаются под напором жизненных невзгод, оказываются нежизнеспособными.

Но важно и другое. Можно обнаружить определенную закономерность во взаимном выборе мужчин и женщин у Достоевского. Едва ли случайной оказывается «встреча» Ивана и Катерины Ивановны. Столь же закономерно и взаимное притяжение Мити и Грушеньки. Они оба - натуры широкие, стихийные, импульсивные. Примечательно, что Катерина Ивановна, хотя и является невестой Мити, по сути, сама делает ему предложение, беря на себя мужскую роль (как и Лиза «предлагается» Ивану). Истинный же *выбор Мити* - Грушенька, что художественно более убедительно, так как жизненно правдоподобно.

Выбор Алеши в чем-то тоже оказывается предсказуем. Черты юродства в женщинах, привлекавшие когда-то и его отца, привлекают в женщинах (в Лизе) и Алешу. К тому же и в нем самом эти черты так или иначе растворены. Оба проходят череду испытаний и искушений, через бунт, но стремятся к свету. Оба «то падают, то встают». Алеша и Лиза озабочены духовным ростом и самовоспитанием, а потому тянутся друг к другу, оказываются необходимыми друг другу. Оба пытаются избавиться от недуга: один - от темных сторон «карамазовщины», другая - от «наследственной хромоножести».

Возможно, в столь широком диапазоне выбора женщин сыновей Карамазовых раскрывается потенция отца, (вкусившего) издевавшего прелестей и «барышень бледных» (Аделаида Ивановна), и юродивых (Кликуша, Лизавета Смердящая). От «дурных женщин» и «монастырских жен», от всех «мовешек и босоножек» нашедший утешение в «полнокровных» красавицах (Грушенька).

Список использованной литературы

1. Достоевский Ф. М. ПСС в 30-ти тт. - Л.: Наука, 1976. - Т. 14.